

ГНЕВ И ДОБРОТА

Перевод А. Атикузиева

1. В РАЗГАРЕ БЫЛО ЛЕТО...

Нет, я вовсе не хвастаюсь: кишлак у нас и вправду замечательный. И хотя поделен он на целых три махалли, а все равно — небольшой и уютный. И название под стать ему — «Чаман»!¹ И люди в нем живут простые, симпатичные, работающие. И чем бы они не занимались — пахали, сеяли, собирали урожай — одно у них на уме — чтобы и впредь расцветал их родной кишлак...

Поглядели бы вы на наш кишлак как-нибудь вечером, когда люди возвращаются с поля: протяжно мыча движется к кишлаку стадо, стуча копытами, поднимая за собой облако пыли. Черные галки весь день копошатся в жнивье. Вечером огромной стайей взмываются в небо. Оглашая окрестности многоголосьем криком, они спешат на ночлег, к берегам Сырдарьи... Видишь все это и удивляешься: будто и не бушует в нашей стране жестокая война. В такое время даже вспоминать о ней, проклятой, не хочется, о тех бедах и горестях, которые обрушивает она на головы людей... Музыка жизни внезапно обволакивает тебя всего, пьянит. Но так ли все тихо и спокойно на самом деле? Нет, это лишь на первый взгляд. Тот, кто повнимательнее приглядится к кишлачной жизни, к внутреннему состоянию людей, неминуемо придет к совсем иному выводу. Со стороны жизнь этого маленького кишлака напоминает реку с плавным течением. Гладкая ее поверхность лишь чуть покрывается рябью, но что там внизу, на дне? А на дне — водо-

¹ Ч а м а н — цветник.

вороты, пороги, воронки, на порожистом дне его встречаются и валуны, и пни-коряги...

Вот о чем думал я, возвращаясь с поля. Мама пришла домой раньше меня.

— А, это ты, сынок, пригляди-ка за коровами,— скавала она мне.

Я снял с себя камзол и побежал навстречу стаду. Стадо уже входило в кишлак, освещаемый косыми лучами заходящего солнца. Слышались крики ребят, мычание коров, лай собак... Белая пыль, висевшая над стадом, была похожа на огромное рваное одеяло. Оно тихонько покачивалось в безветренном воздухе. Знакомая картина повторялась изо дня в день. Но каждый день я находил в ней что-то новое для себя, интересное. На улице можно было увидеть ребят, с которыми не встречался днем. Вон там, в густой пыли, бежит Карим-очкарик, ухватившийся за хвост своей черно-золотистой в полоску буренки, погоняя перед собой пеструшку...

И Джалил с Абдунаби тоже здесь. А вон ковыляет Ирискелдибобо, постукивая посохом по земле. Сын его, Каламкан, бегаёт туда-сюда позади стада, загоняя обратно коров, которые норовят улизнуть в сторонку:

— Эй, очкариковская пеструшка, назад, гангрена!

Порой, когда оч сердится, то бранит коров во все горло, словно желая, чтобы его услышал весь кишлак:

— Э, ну куда тебя несет, нахалка! Тебе здесь махалля «Ковункурт»¹, что ли?

Некоторым коровам окрики его приходится не по нраву. Они угрожающе опускают головы, направляя на него свои рога, будто хотят боднуть его. Тогда Каламкан замахивается на них палкой и грозится:

— Но-но, ведите себя прилично, не берите пример с Карима-очкарика, не то быстренько попадете к мяснику!

Мы все покатываемся со смеху...

Карим, о котором шла здесь речь — сын нашего бухгалтера Иззатуллы-ака. Живет он в махалле «Ковункурт». Наш ровесник. Мы с ним в одном классе учимся. Лицо у него смуглое до черноты, роста он невысокого, худенький, но в делах расчетлив да к

---

¹ К о в у н к у р т — кушанье, приготовленное из дыни.

тому же лукав. И еще — носит он очки. Видать, глаза слабые. Каримов в Чамане несколько, но очки носит он один. Может, для того, чтобы отличать бухгалтерского сынка от других Каримов, и прозвали его «очкариком». Вообще-то, прозвища у нас в кишлаке дело нередкое. Вот, к примеру, нашего учителя Кучкара некоторые взрослые называют «Кучкар-калека». А все потому, что вернулся он недавно с войны без одной ноги, на костыле. Какой это славный человек! Вежливый. Ко всем, от мала до велика, обращается он на «вы», хотя кое-кому это кажется приторным. Сейчас он у нас, то есть у школьников, за бригадира: и на жатве, и на окучке хлопчатника, и на сборе урожая... Через несколько дней мы выйдем на очистку арыка, будем расчищать его от ковыля. И там он тоже будет у нас за главного. Будет рассказывать нам про всякие удивительные случаи, которые довелось ему повидать на фронте. Работая с ним, мы никогда не устаем и не скучаем. Ну как же после этого язык повернется назвать его «Кучкар-калека»? А вот Карим-очкарик другое дело. Недаром мы прогнали его тогда и из «ишачьего каравана», и с хирмана! Ему-то этого никогда не забыть.

«Поглядите-ка на него: и делишками своими, и повадками вылитый отец!» — удивляются некоторые взрослые. Но нам-то откуда знать, какой у него отец? Знаем только, что это тощий человек с пожелтевшим лицом, глубоко запавшими глазами и большущими усами. Кончики их загнуты точь-в-точь как рога у барана, едва до ушей не достают. В любую погоду, даже в летний зной, одет он в неизменный китель из черного драпа с нагрудными карманами, в галифе, на голове всегда каракулевый тельпак. Для нас, ребята, он просто колхозный бухгалтер и больше ничего...

...Я привел коров и привязал их в коровнике. Мама подоила их, отнесла тегишик¹ соседке и, когда мы сели ужинать у сандала, спросила вдруг:

— Слышала я, будто послезавтра вы выходите чистить арык. Не съездишь ли ты завтра к дедушке? Скопилось у нас немного сузьмы, масла. Он как будто гсворил, что купил отрез на платье. Сестренке твоей обязательно надо сшить платье. Того и гляди, сен-

---

¹ Тегишик — часть молока для сквашивания.

тябрь настанет. А у меня столько дел, что я никак не могу поспеть сама, сынок.

— Ладно,— сказал я. — Одному ехать, что ли?

— А дружок твой Агзам не съездит с тобой?

— Не знаю.

— Так ступай, спроси.

Когда я пришел к Агзаму, отец его, дядя Пулат возился с фонарем во дворе.

— Ассалом алейкум, амаки, Агзам дома?

— Валейкум... А, Эргашбай? Заходи, заходи. Дома твой дружок.

Когда я вошел в комнату, Агзам сидел, сгорбившись, за хан-тахтой и в тусклом свете семилинейной лампы писал что-то, поскрипывая пером. Он даже не заметил, как я вошел. Время от времени он покусывал кончик ручки, о чем-то задумываясь, а затем щелкал себя ручкой по носу. Наконец он заметил меня!

— Ой, это ты? Хоть бы кашлянул... Напугал ведь,— сказал он, продолжая писать.

— Ты что делаешь?

— Письмо вот брату Сабиту пишу. Вчера получил от него,— сказал он чуть хвастливо, показывая зажатый в левой руке треугольник письма.— Пишет, мол, передай привет Эргашбаю, маме его.

— Пусть он будет цел и невредим,— сказал я и умолк. Не то, чтобы мне нечего было больше сказать. Нет. Просто от папы давно уже не было писем, и я молчал, потому что чуть-чуть завидовал Агзаму. Помолчав немного, я перешел к делу:

— Давай завтра вместе махнем в город, а? Мама говорит, чтобы я отвез масло, сузьму деду. Может, и у вас есть.

— Надо спросить у папы.

Агзам поднялся с места.

— Ладно, спроси. Ежели разрешит, поедем завтра пораньше.

— Идет. К тому же опущу это письмо в почтовый ящик на вокзале. Скорее дойдет.

...На следующее утро, верхом на ишаках, мы с Агзамом отправились в город. Приехали мы прямо к моему дедушке, привязали ишаков во дворе, отнесли в дом привезенное масло и сузьму. Потом пошли на вокзал. Напротив вокзала шумел небольшой базар. Особое оживление царило на нем перед приходом по-

езда. За длинными, потерявшими от грязи цвет, прилавками сидели толстые торговки, от которых исходил густой запах масла; они торговали самсой, жареной рыбой, холодным птичьим мясом, вареными яйцами. Какая-то старуха-казашка перемешивала айран... Над прилавками носились ароматные запахи, возбуждающие аппетит. Глотая слюнки, мы с Агзамом переглянулись. Какой-то молоденький солдат с туго перебинтованной ногой, в гимнастерке, в пилотке набекрень, опираясь на костыли, совал людям под нос что-то зажатое в руке и кричал:

— Махорка! Махорка! Первый сорт! Берите.

Когда мы проходили то место, где торговали всяким тряпьем, нас окружили. Видимо, заметили, что мы кишлячные:

— Во, галифе...

— А вот сапоги солдатские. Бери, не пожалеешь.

— Финка трофейная... Гляди, как блестит! Покупай.

— Стекло для лампы... Да бери же, дешево отдам. Тридцатка всего...

— Ну-ка, примерь, шевиот, точь-в-точь на тебя шит, — проговорил какой-то ловкий парень, накидывая на плечи Агзама поношенный черный пиджак, который повис на нем, словно мешок. — Бери, по дешевке отдам. Чего? Ах, денег нема? Не беда, сменяем на масло или на зерно...

Когда мы насилу продрались сквозь толпу и отошли в сторонку, то увидели какую-то старуху, которая как будто хотела что-то сказать. Вид у нее был такой жалкий, умоляющий, что мы невольно подошли к ней. Тогда она вытащила из широкого рукава платья что-то завернутое в грязную бумагу и, озираясь по сторонам, тихо пробормотала:

— Заборный¹ не нужен, ребятки?

Мы только покачали головами в ответ и пошли прочь. Не знаю, сколько мы шли так, как вдруг Агзам воскликнул: «Ой!»

— Ты чего?

— Чуть не забыл опустить письмо.

— Пошли скорее. Я вчера тоже написал письмо отцу.

Мы быстро вернулись назад. Когда мы приезжали

---

¹ Заборный — хлебная карточка.

сюда раньше, то замечали, что на перроне, возле вывески «Ресторан», висел на стене большущий почтовый ящик. И все опускали в него письма. Спросите, почему? Да потому, что если здесь проходят поезда, то письма дойдут быстрее. Вот и мы тоже опустили свои письма в этот ящик. Через несколько минут мы уже шли вдоль путей. Вдруг пацаны, которые собирали здесь уголь в ведра, с криками «Эшелон идет, Эшелон!», разбежались в стороны. Мы с Агзамом тоже отбежали в сторону и стали ждать приближения поезда. Издалека донесся тоскливый гудок паровоза. У въезда на станцию подняли семафор. Немного погодя, тяжело пыхтя, на станцию медленно въехал паровоз. Мы не сводили с него глаз: он тащил за собой красные вагоны, забитые солдатами: кто стоял, кто сидел на полу, у большинства солдат были забинтованы руки, ноги, многие на костылях... Один солдат в нахлобученной на забинтованную голову пилотке играл на гармошке...

Громыхая, состав проплыл мимо. Как только он остановился, к нему кинулись базарные торговки со своим товаром...

Время уже перевалило за полдень, когда измученные, обессиленные, мы вернулись к дедушке. К счастью, он уже был дома. Встретил нас ласково, поцеловал в лоб. А потом пожурил немного:

— И где это вас носило так долго. Разве вы не знаете, что сузьма и масло могли попортиться от жары? Хорошо еще, что я пришел вовремя. Не то бы...

— Мы на вокзал ходили,— сказал Агзам,— письма опускали...

— Ну, тогда другое дело...

— Старуха, эй, старуха!— крикнул дедушка, — пригляди-ка за своими верблюжатками, а то, похоже, они голодны.

Бабушка угостила нас на славу: белый хлеб, халвайтар¹, сахар, сушеный урюк!.. Наевшись вдоволь, мы прилегли отдохнуть. Поговорили с дедушкой о том о сем.

На исходе дня мы стали собираться в обратный путь.

— Эргаш,— окликнул меня дедушка. Глянул я, а он несет из угла двора обдасту-кувшин с тонким гор-

---

¹ Халвайтар — мучная сладкая каша.

лышком,— ты передай маме, что я пока ничего не смог купить. Когда куплю что нужно, перешлю с Эшматом-ака. Он каждый день приезжает на своей арбе, запряженной волами.

— Хорошо.

— Мама больше ничего не говорила?

— Говорила про какую-то материю.

— В самом деле... Эй, старуха, положи в хурджун тот сверток с ситцем.— Затем, словно вспомнив что-то, дедушка спросил вдруг:— Послушай, а сколько коров у вашего бухгалтера Иззатуллы?

— Две.

— Странно, сынок его через день на базар ездит... А, может, он не только свое масло да сузьму возит?

— Не знаю...

Прощавшись, мы сели на ишаков и поехали в Чаман.

Проехав сай «Корачик», мы вдруг увидели впереди какую-то черную тень,двигающуюся нам навстречу. Тенью этой оказался Карим-очкарик, ехавший верхом на гнедой кобыле своего отца. Когда он поравнялся с нами, Агзам сказал:

— Куда путь держишь? Поздновато уже...

— В город,— хмуро буркнул Карим и, не оставиваясь, проехал мимо.

Мы только переглянулись и пожали плечами.

— После того, как мы его прогнали с хирмана, этот прохиндей стал возить катык жнецам,— сказал Агзам.

Мне показалось, что сказал он это как-то зло.

— А ты откуда знаешь об этом?

— Отец мне сказал.

— Да, странно,— протянул я.

Парень этот похож был на ашичку-свинчатку: на какую сторону ее ни бросишь, она все равно встает на алчи. Когда мы прогнали его из «ишачьего каравана», он стал сторожем на хирмане, а когда его прогнали и оттуда, он теперь возит катык жнецам, оказывается. Где бы он ни был, за что бы ни взялся, никак не может без того, чтобы не наделать какой-нибудь путаницы. Неужто он теперь утихомирился? Что-то не верится.

— А на чем он его возит?

— Что?

— Что, что, — разозлился я на рассеянность Агзама. — Да катык этот.

— Ах, катык? Кажись, на верблюде Ирискелди-бобо...

Тут я снова вспомнил те дедушкины слова: «А сколько коров у бухгалтера вашего Иззатуллы? Сынок-то его через день на базар ездит».

«Странно, — думал я, — ведь у нас тоже две коровы. Но мы-то бываем на базаре всего раз в две-три недели! Этот счкарик, должно быть, возит на базар не только свое масло и сузьму...»

И все равно, сколько я ни думал об этом, не мог я поверить, что все здесь честно. Ибо у меня никак не выходило из головы то, что си сделал дней двадцать тому назад...

2. «НЕ ПОГАНЬ СОЛДАТСКИЕ САПОГИ, СЫНОК!»

А случилось все это тогда, когда в разгаре была жатва пшеницы. Ехали мы с Агзамом в город по делу. Солнце стояло в зените. Пекло неимоверно. Даже тени наши, словно не в силах терпеть жару, жались поближе к нам. Ишаки лениво трусили под нами по глубоким колеям, продавленным колесами арб. По обочинам дороги изнывали от зноя серые от пыли, пожухлые заросли полыни, янтака.

Ехали мы молча. Сразу за переездом через железную дорогу, прямо на обочине мы увидели большую картину, установленную на двух деревянных столбах и отсропели от изумления. На огромном холсте была нарисована седая женщина. Она сурово смотрела перед собой, выставив вперед руку. Во взгляде ее будто крылось какое-то колдовство: налево прседешь, она смотрит прямо на тебя, направо проедешь — опять то же самое. А внизу на картине аршинными буквами написано: «А что ты сделал для фронта?»

Когда мы возвращались из города, то всю дорогу думали только об этом. Мы уже прсехали половину двадцативерстового пути, а мысль эта все не отпускала нас. Занятые ею, мы ничего как будто не замечали вокруг: ни кузнечиков, летающих в траве по обочинам, ни жаворонков в безоблачном небе.

Вдруг мимо нас в сторону города проехал незна-

комый путник: несмотря на жару, на нем был чекмень, подпоясанный вышитым платком. На голове у него была шапка. За собой он вел на поводу двух ишаков, одного за другим, навьюченных мешками. Агзам пристально поглядел вслед путнику и затем посмотрел на меня, улыбаясь.

— Видал?

— Что?!— удивился я.

— Уж чего в нашем кишлаке навалом, так это ишаков,— рассмеялся он.

— Ну, и что из этого?

— А то, что, ежели мы соберем их и станем вот так возить на них пшеницу,— сказал он, жестом указав в сторону путника,— дошло? Заготовка!..

Теперь-то я понял его задумку.

— Здорово! Только разрешат ли нам?

— Разрешат. Расскажем обо всем Ирискелди-бобо, он сам поговорит с уполномоченным.

— Идет!

Подъехав к кишлаку, мы направились прямоком на хирман, который располагался в «Колганкуле».

Воздух здесь был наполнен запахом спелой пшеницы, щекочущим ноздри. Жатва была в самом разгаре, повсюду кипела работа. На ярко-желтой стерне, где хлеб был уже убран, школьники подбирали колоски, а чуть поодаль, девочки, головы которых были покрыты платками, вилами грузили снопы пшеницы на брички и арбы. Мы заметили Ирискелди-бобо еще издали: вон он, босой, провеивает зерно на хирмане. На нем был выцветший от пота и солнца яктак¹, туго перетянутый в талии бельбагом², за который была заткнута чувда-нитка из верблюжьей шерсти, на голове у него возвышался киргизский войлочный колпак, в отворот его была воткнута большая изогнутая игла-джуводдиз, предназначенная для сшивания мешков. По его лицу, почерневшему от пыли, катились струйки пота. Деревянной лопатой он без усталости подбрасывал зерно в воздух, очищая его от мякины и сора...

Рядом находились еще три хирмана. На соседнем хирмане всюду идет молотба. А вон тот, самый даль-

¹ Я к т а к — национальная одежда.

² Б е л ь б а г — пояс.

ний, похоже, совсем новый. Сюда одна за другой подъезжают арбы, нагруженные снопами пшеницы.

Мы поздоровались и слезли с ишаков.

— Растите большими,— ответил на приветствие Ирискелди-бобо, даже не взглянув на нас. Мы стояли молча и наблюдали, как бобо провеивает пшеницу. Желтое, словно золото, зерно выситя горой. Чистое-чистое! У края хирмана лежало что-то, завернутое в полотенце, рядом стоял горшочек-хурмача, из отверстия которого торчала деревянная ложка. А чуть поодаль валялась сморщенная от жары, похожая на половинку резинового мяча, кожа хандаляка.

Нам не терпелось поскорее рассказать Ирискелди-бобо о нашей задумке, а он не выпускал лопату из рук. Мы молчали и только переглядывались между собой. Наконец Ирискелди-бобо перестал работать, вытащил из-под колпака платок и вытер им глаза. Потом, опершись на лопату, поглядел на нас.

— Ну-ка, Агзам, обойди хирман кругом,— сказал он.

Агзам послушно исполнил его просьбу.

— Ну что, видно было меня из-за этой горы, а?— улыбаясь спросил бобо.

— Нет, совсем не было видно!

— Верблюжонок мой!— обрадовался Ирискелди-бобо. Мы сразу смекнули, что он так урожаем измерял.

Воспользовавшись его хорошим настроением, мы рассказали ему о своей задумке. А он, будто вспомнив что-то, сказал:

— В самом деле,— затем задумался на минутку и крикнул:

— Полномош бола, эй, полномош бола!

Уполномоченный из района, прикрепленный к нашему кишлаку на время уборочной, сидел в тени возле нового хирмана и что-то писал. Услышав оклик Ирискелди-бобо, он посмотрел в нашу сторону. Потом неторопливо поднялся с места и направился к нам. На нем были коломенковая фуражка, белая рубаша навывпуск, подпоясанная в талии узким пояском с кисточками на концах, галифе, сапоги. Когда он подошел к нам, я заметил маленькие усики, напоминающие какого-то мохнатого жучка...

— Ну, аксакал?— сказал он, обращаясь к Ирискелди-бобо. Затем посмотрел на нас, словно спрашивая: «В чем дело, сорванцы?»

— Разговор тут один есть...— И бобо рассказал ему о нашем плане, да так, что мы и сами не смогли бы рассказать об этом лучше.— Что вы на это скажете?— спросил он.

Было видно, что задумка уполномоченному пришла по душе: лицо его расплылось в довольной улыбке, при этом казалось, что верхняя половинка его мохнатых усиков вот-вот залезет ему в нос. Он поглядел на нас так, словно ждал узнать, кто же из нас такой сообразительный.

— Нужно сейчас же поговорить об этом с райсом. Думаю, он тоже возражать не станет,— сказал он, потирая руки. — Молодцы! Стличная мысль! Сегодня же соберите свободных ишаков. Если их будет хотя бы около двадцати, да нагрузить на каждого в среднем килограммов по пятьдесят зерна... Ого-го, это же почти тонна. Каждый день!.. Хорошо, а сколько вам понадобится для этого ребят?

— Одного парня на пять ишаков будет вполне достаточно.

— Ну, просто молодцы! Умницы! Кстати, а комсомольцы среди вас есть?

— Да нет...

— Это почему же? Надо вступать. Я первый дам вам рекомендации. Вот такими инициативными должны быть настоящие комсомольцы!

А мы только смущенно улыбались. Мы бы, конечно, не прочь вступить. Только нам еще два года расти до комсомольского возраста...

В этот день мы собрали более двадцати ишаков. Из ребят согласились сопровождать караван Агзам, я, Джалил, Карим-очкарик и внук Ирискелди-бобо Ганишер.

Итак, окрестили мы нашу затею «ишачьим караваном». Потом мы услышали, что нашу инициативу поддержали и в других кишлаках. Через несколько дней мы и сами увидели перед воротами «Заготзерна» «ишачьи караваны», прибывшие из других кишлаков.

Настроение у нас было приподнятое, и теперь, когда мы проезжали мимо той картины, седая суровая женщина как будто говорила: «Теперь я вижу, что и ты помогаешь фронту!»

Днем мы насыпали зерно в мешки, завязывали их, готовили для отправки. А утром, когда загоралась в

небе звезда-Венера, навьючивали мешки на ишаков и отправлялись в путь. На одного из ишаков клали поменьше груза, садились на него верхом и вели за собой еще четырех, связанных в цепочку... Порой, чтобы не уснуть в дороге, Карим-очкарик веселил нас смешными историями, которых он знал много.

Бот так, за разговорами, мы и не замечали, как добирались до «Заготзерна». И так каждый день: приезжали в город утром, сдавали зерно и к обеду возвращались в кишлак. По дороге, доехав до сая «Карачик», отряхивали с себя пыль, купались...

И вот однажды мы везли на заготовительный пункт девятьсот сорок килограммов зерна, но при взвешивании оказалось только девятьсот десять. Мы пробовали класть мешки на весы и так и этак, все одно! Мы начали подозревать весовщика, здорового детину с двойным подбородком.

Когда мы сдали зерно, вышли на улицу к своему «каравану». Тогда мы заметили, что среди нас нет Карима-очкарика. Когда же он успел улизнуть? Ждали мы его довольно долго. В конце концов он появился: с пустым мешком под мышкой он шел к нам со стороны базара с каким-то долговязым парнем. Нам это совсем не понравилось.

— Сын моей тети,— представил нам Карим-очкарик долговязого. А долговязый этот, с чубчиком, спадающим на лоб, поздоровался со всеми за руку и при каждом рукопожатии говорил: «Эрик», — и кивал головой. По всему было видно, что парень он городской. Он проводил нас до большой дороги и вернулся назад...

Доехав до Карачика, мы напились воды, искупались и поехали дальше. Настроение у всех было мрачное. Все мы думали только о том, куда же делась эти тридцать килограммов зерна? Когда мы отъехали немного от сая, Карим-очкарик вдруг схватился за живот и принялся громко стонать.

— Что с тобой?— спросили мы, окружив его.

— Ур-рюк...— насилиу выдавил он из себя.

— Урюк?! Да ты разве не знаешь, что после урюка нельзя пить сырую воду!— сказал я.

— Постой, постой. А где ты взял урюк? — спросил Агзам, будто почувствовав что-то неладное.

— Тетин сын... — простонал он и еще сильнее схватился за живот, не выпуская при этом мешок.

— Дай-ка сюда,— сказал ему Агзам, протягивая руку к мешку.— Вот чудак, если тебе худо так, чего же ты его держишь. Мы ж его не съедим!

Но Карим еще сильнее прижал мешок к животу.

Агзам быстро пощупал мешок и пристально взглянул Кариму в лицо.

— Сапоги? Откуда взял?

— Те-тин сы-ын...

— А ну, дай сюда,— Агзам вырвал мешок и вытряхнул из него содержимое: с глухим стуком на землю шлепнулась пара кирзовых сапог. А из углов мешка на них просыпались остатки зерна...

Мы сразу все поняли. Мы вспомнили, что Карим-очкарик отстал немного от каравана, сославшись на то, что ему необходимо по нужде. И было это возле самого города. Стало быть, тогда-то он отсыпал зерно в свой мешок и передал его «сыну тети». Он, видно, надеялся, что при сдаче это не обнаружится. Мы тут же решили изгнать его из каравана.

После того, как мы прогнали Карима-очкарика из каравана, он стал вертеться возле хирмана: таскал воду, помогал насыпать зерно в мешки... Но вскоре стал там сторожем, ездил верхом на лошади. При виде нас он мрачнел, видимо, вспоминал тот случай. Он даже здороваться с нами не желал.

В те дни и малые дети тоже собирали колоски на жнивье и носили их на хирман. За это им разрешалось брать немного зерна домой. И вот вчера, когда младшая сестренка Агзама несла домой свою долю, Карим-очкарик верхом на лошади догнал ее и вырвал у нее из рук мешочек с колосками. Бедная девочка ревела до самого дома. Видно, этим Карим-очкарик хотел отомстить нам...

Вернувшись из города, на следующий день, мы собрались поговорить с ним начистоту, всыпать ему как следует за это.

Как всегда, около полудня, мы подъехали к хирману; Карим был там. Он, словно почуяв что-то недоброе, поспешно сказал что-то Ирискеджи-бобо, быстро направился к своей лошади и стал садиться на нее. Удалось ему это лишь после нескольких прыжков. А я подошел тихо и взял лошадь за поводья. Тут сбоку подоспел Агзам и сказал:

— Ну-ка, слазь!

— Чего тебе?

— Разговор есть.

— Можно и так поговорить,— сказал Карим-очкарик, бледнея при этом.

— Слазь, тебе говорят!— Агзам резко дернул его за полу рубахи. Карим-очкарик чуть было не свалился с лошади.

Продолжая держать лошадь за поводья, я вдруг заметил странную вещь: когда Карим-очкарик от рывка накренился набок, из голенища кирзового сапога потекла на землю струйка зерна. Я не на шутку разозлился! Передав поводья Ганишу, я подпрыгнул и стащил его с лошади. И тут началась свалка. На шум прибежал Ирискеджи-бобо с деревянной лопатой в руках:

— А ну, разойдись! С цепи сорвались, что ли? Что здесь у вас происходит?

Мы расступились.

— Пусть снимет сапоги, тогда сразу узнаете... Снимай сапоги!

— Кому говорят?— дрожащим от гнева голосом произнес Агзам.

А Карим продолжал молча стоять посередине, вытаращив за стеклами очков глаза. В это время подошел и уполномоченный. Агзам быстро подскочил к Кариму и сильно толкнул его в грудь. Карим, покачнувшись, плюхнулся на землю. Слетели очки. Я проворно стащил с его правой ноги сапог. Из него высыпалась на землю золотистая пригоршня зерна.

— То-то я гляжу, ты частенько домой наведываешься. Стало быть, при этом ты каждый раз таскал столько зерна! Ну-ка, снимай другой сапог, бухгалтерский сынок! Не погань солдатские сапоги!— глухо проговорил бобо; у него даже борода затряслась от негодования.— Снимай!

Карим медленно стащил сапог и с левой ноги: высыпалась горстка зерна.

— Сколько же зерна ты перетаскал домой,— тихо спросил молчавший до этого уполномоченный.

— Да не таскал я домой никакого зерна. Я и сам не знаю, как оно туда попало... — захныкал Карим.

— Не обманывай!

— Не верите, вон, у Кабила спросите,— тихо прошептал Карим, взглянув на стоявшего рядом с ним младшего брата.

— Глядите-ка, лиса свой хвост в свидетели приывает!— едко заметил кто-то.

Раздался дружный смех.

— А теперь катись отсюда!— рассердился Агзам.— И чтоб я тебя больше близко не видел возле хирмана!

Карим нашарил в пыли очки, надел их. Потом взял сапоги и медленно поднялся на ноги. Не оглядываясь, поплелся прочь. Ирискеджи-бобо огорчился не на шутку и сказал в сердцах уполномоченному:

— Вот, полюбуйся-ка, полномош бола, парень-то, оказывается, нечист на руку. А еще бухгалтера сынок!

Когда Карим был уже довольно далеко, Агзам крикнул ему вслед:

— Передай привет тетиному сыну!..

3. НА ОЧИСТКЕ АРЫКА

Вот уже три дня мы очищаем арык от ковыля.

Кстати, а знаете ли вы, что такое ковыль? Это такое растение с зелеными листьями, которое растет в воде. И растет очень густо. Если летом хотя бы один раз не очищать арык, то ковыль преграждает путь воде. При этом замедляется течение, и кишлак не получит и половины воды, которую мог бы принести чистый арык.

На полпути между нашим кишлаком и городом протекает сай под названием Карачик. От него в наш кишлак течет арык. Называют его Беларык. Кстати, дорога в город пролегает вдоль этого арыка. И вот мы чистим его. Всего нас здесь двенадцать человек. Кроме учителя Кучкара, у всех в руках серпы, ими мы и срезаем ковыль. И хотя арык на время запрудили, он достаточно глубок. Вода в нем нам до пояса, а есть места, где она доходит до груди. Дно арыка заросло мелким камышом... Он мешает убирать ковыль. Время от времени мимо нас проскальзывает водяной уж. Некоторые ребята от страха, отчаянно шлепая по воде ногами, пульей выскакивают на берег. Признаться, я их тоже побаиваюсь. Змея — есть змея... Но утрам лезть в воду просто не хочется. Брр... холодная, как лед. А когда солнце в зените, вода нагретая,

вается. Солнце печет нестерпимо. Сушит кожу, она натягивается на лице так, что думаешь, вот-вот лопнет. Даже улыбаться больно. А вот в пасмурные дни благодать!

Мне казалось, будто работа наша вовсе не продвигается. В день мы чистили метров триста-триста пятьдесят. Ковыль, выброшенный на берег, сперва высится там ярко-зелеными кучками, а потом высыхает на солнце, желтеет, жухнет.

За эти три дня мы здорово вымотались. Но настроение у нас бодрое, мы даже находили время для шуток и смеха. На очистке арыка девчонок нет, не для них эта работа. Нет сейчас среди нас только Карима-очкарика. Он возит нам катык. А остальные все тут: и Агзам, и Абдунаби, и Джалил...

Наш председатель колхоза сдержал свое слово, и теперь нас в обед кормят горячей пищей. Похлебка из пшеничной сечки! Объедение. И готовит ее учитель Кучкар собственноручно. Кроме того, мы ловим в арыке немного рыбы, жарим ее. Перед обедом Карим-очкарик привозит нам катык на верблюде Ирискелди-бобо, но отчего-то нет в этом катыке никакого вкуса. Я рассказал ребятам о том, что узнал от своего дедушки, когда мы с Агзамом ездили в город. Они очень удивились.

— Судя по тому, какой жидкий катык он привозит, он, скорее всего, разбавляет его водой, окаянный!— сердито проговорил Агзам.

— Но как он это делает? Ведь между фермой и Беларыком воды нигде нет.

Когда спор наш был в самом разгаре, к нам подошел учитель Кучкар, постукивая по земле костылем. Все сразу замолчали, но Агзам не растерялся и продолжил как ни в чем ни бывало:

— Мы просто договорились через часик вчетвером пойти половить рыбу. Если, конечно, учитель разрешит.

— Абдунаби, Джалил, Эргаш, ну-ка давайте постараемся как следует... А то ведь скоро на рыбалку идти...

И мы принялись за работу. А учитель Кучкар занялся обедом. Так как очаг был на вчерашнем месте, мы оказались довольно далеко от него.

— Надо бы приготовить дров учителю,— сказал Агзам.

— Сперва поработаем немного, а потом притащим ему туякорин.

Растение это в переводе на русский значит «верблюжий желудок». Когда дует ветер, то вырывает его с корнем и катит по земле, словно шар. На ветвях у него полно колючек, так что его нужно брать за корень, не то можно поколоть руки.

За полчаса до обеда мы вчетвером вылезли из арыка и приволокли учителю Кучкару четыре «верблюжьих желудка». Учитель остался нами очень доволен. Мы налили ему воду в казан, и он разрешил нам пойти порыбачить.

— Значит, на рыбалку собираетесь? — сказал он, опираясь на костыль.

— Хорошо бы, — Агзам незаметно подмигнул нам.

— Ну, ладно, только не задерживайтесь. Скоро катык привезут.

— Не беспокойтесь...

И как были, в мокрой одежде, мы пустились бежать. Расстояние между фермой и Беларыком составляло километра три. Пространство это сплошь заросло тамариском, напоминало настоящие тугаи, здесь было много жаворонков...

Разбившись на пары, мы стали поджидать Карима-очкарика. От тишины, царившей кругом, звенело в ушах. Ее нарушал лишь монотонный стрекот кузнечиков. Где-то пел жаворонок.

Мы поджидали Карима-очкарика, укрывшись под кустами тамариска. Было очень жарко, к тому же едкий запах тамариска, напоминающий запах табака, щипал ноздри, бросал в пот. Цветы тамариска сыпались нам за шею, вызывали зуд. Но зато для засады место было самое удобное: здесь нас никто не заметит, даже если специально будет искать.

Тут со стороны фермы показалась черная тень. Должно быть, это был тот, кого мы поджидали... Однако вышла промашка: это оказался какой-то всадник на лошади, и ехал он в сторону кишлака.

Вдруг мы услышали крик верблюда, и нам больше не нужно было гадать — на этот раз — это точно Карим.

Агзам подал знак, чтобы мы затаились. Карим-очкарик пустил верблюда вскачь, нахлестывая его хворостинной, а верблюд-бедняга кричал от боли. Так

он проскакал мимо нас. Когда крик верблюда слышался уже довольно далеко, мы вышли из засады.

— Скорее за ним! — взволнованно проговорил Агзам. — Только надо соблюдать осторожность, чтоб он нас не заметил.

— Бежим.

И мы бросились вдогонку. Внезапно мы потеряли верблюда из виду. Он перестал кричать. Мы остановились, не зная что делать.

Тогда Агзам шепотом прикрикнул на нас:

— Ну, чего вы встали?

— А куда идти-то?

— Э, что вы за люди! — разозлился Агзам. Он жестом указал на небо. Неподалеку от нас, в воздухе кружилось несколько галок. — Если в небе кружатся птицы, стало быть, на земле что-то происходит.

Мы осторожно направились к тому месту, над которым кружили птицы, как вдруг Агзам остановился как вкопанный, приложил палец ко рту.

Потом произнес шепотом:

— Вон, вон, видите?.. Да вон там, под большим кустом тамариска!

И мы все отчетливо увидели такую картинку: верблюд стоял на коленях, а Карим-очкарик копошился под кустом... Вот он снова сел на верблюда, поднял его на ноги и уже не спеша двинулся дальше. Когда он отъехал, мы бросились к тому кусту. Мы заметили, что здесь истоптана земля не оттого же, что верблюд один раз встал на колени? Агзам пошарил под кустом и неожиданно вытащил мешок. Он раскрыл мешок, и мы увидели коричневую кастрюльку, закрытую крышкой. В кастрюльке было много еще как следует не дошедшего масла, словно только что с маслобэйни!

Мы стояли, разинув рты от удивления.

— Ах, негодяй! — гневно воскликнул Агзам.

И нам все сразу стало ясно: этот умник, каждый раз, когда вез с фермы два бидона с катыком, изо всех сил погонял верблюда, и от тряски масло поднималось на поверхность. Когда он приезжал на это место, то открывал крышки бидонов, снимал сверху свежее масло и клал его в кастрюльку. Каждый день с двух бидонов получалось около четырех килограммов масла! Вот почему, оказывается, он и ездил через день на базар!

— Ну-ка, берите ее, — велел Агзам, указывая на кастрюльку. — Нам надо успеть, пока Карим не ушел.

Мы с Джалилом побежали другой дорогой. Прибежали мы одновременно с Агзамом и Абдунаби. К счастью, Карим тоже только что подъехал и поставил верблюда на колени — сюда он ехал шагом, каналья!

Когда мы отложили мешок в сторону, учитель Кучкар заметил его и сказал, улыбаясь:

— Ого, видать, крупный у вас улов.

— Крупный! — ответили мы.

— Неужто сома поймали?

— Тут рыбка покрупнее сома...

— Ну, показывайте.

— Чуть позже... — загадочно сказал Агзам.

Удивившись такому ответу, учитель Кучкар только пожал плечами.

Обычно в час дня мы выпивали по литру катыка и снова принимались за работу, а в три часа ели горячее. И вот со своими чашками мы собрались вокруг бидона с катыком... Джалил первым получил свою долю. Отпив глоток, он возмущенно произнес:

— Точь-в-точь как вчерашний. Да самый плохой айран в тысячу раз вкуснее!

Тут Агзам не выдержал. Он быстро подошел к бидону и заглянул внутрь.

— Почему он такой жидкий? — обратился он к Кариму.

Тот молчал.

— Я, между прочим, тебя спрашиваю.

— А я откуда знаю, — сказал он, как можно спокойнее. Но было заметно, что он нервничал.

— Так ты не знаешь? — спросил Агзам.

— Не знаю...

— Эргаш, а ну, принеси, — подал мне знак Агзам. Мы с Абдунаби принесли мешок. Увидев его, Карим сразу переменялся в лице. А ребята стояли удивленные, не понимая, что происходит. Агзам вынул из мешка кастрюльку.

— Твоя?

Очкарик стоял, словно набрав в рот воды.

— Тебя ведь спрашивают.

С этими словами Агзам отвесил ему оплеуху. Карим повалился на землю, застигнутый ударом врас-

плох. Ребята схватили Агзама. Учитель Кучкар вышел на середину.

— Сейчас же прекратить, что здесь происходит?

И тут я рассказал обо всем по порядку. Всех охватил гнев. Если бы позволили им, Кариму бы не повезло. Но все равно Джалил не сдержался и выплеснул катык из своей чашки в лицо Карима.

Кто-то тут же схватил Джалила за руки, но рот ему закрыть не смог: он стал на чем свет стоит носить Карима. А тот, чуть не плача, снял очки и стал вытирать их о штаны. Тогда учитель Кучкар медленно проковылял к нему и за руку поднял с земли.

— Ну-ка, пойдите со мной, сынок,— сказал он, ведя его за собой на берег арыка. — Умойтесь-ка...

Карим смыл с лица катык, вытерся, надел очки. Учитель Кучкар усадил его на берег. А мы все ждали, чем же это закончится.

— Скажите-ка, что это такое?— спросил учитель Кучкар у Карима, жестом указав на воду в арыке.

— Вода...— прошептал Карим.

— А что такое, по-вашему, вода?

То ли Карим не понял вопроса, то ли не мог сообразить, какое отношение имеет это к нему, он не произнес ни звука.

— Кажется, я вас спрашиваю?

— Не знаю...— буркнул Карим.

— Раз не знаете, так знайте: вода — это жизнь. Вода дает нашему кишлаку жизнь, орошает наши посевы, без нее не поднялись бы хлеба, не созрели бы дыни, арбузы, не было бы хлопка. Теперь вам понятно?

— Понятно...— снова буркнул Карим.

— Теперь взгляните вот на это,— сказал учитель Кучкар, указывая на кучу жухлого ковыля на берегу. — А это что?

— Ковыль...

— А зачем мы убираем его из воды?

— Чтобы он не мешал ей...

— Верно, стало быть, соображаете.

Карим молчал.

— Так что же мы можем сказать о человеке, который обманывает тех,— учитель Кучкар снова указал на кучу ковыля,— которые уничтожают эту преграду воде?

Карим по-прежнему молчал, понурился головой.

— Так какая же разница между таким человеком и этим ковылем? — Учитель Кучкар весь затрясся от негодования. Мы впервые видели его таким:

— Одно мне только непонятно: как же умещается такое коварство в такой крохотной голове? Кто вас научил такому?

— Кто же, кроме папаши его, — сказал кто-то.

А Карим-очкарик продолжал молчать, закусив губу.

Тогда учитель Кучкар посмотрел на нас и спросил:

— Ну, что нам с ним делать, ребята?

А что мы могли сказать? Мы своими ушами слышали, как учитель Кучкар обращался к нему на «вы» и совсем не думали, что после этого он обойдется с ним сурово. И все же Джалил сказал за всех нас:

— Потерял он всякое доверие! Пускай убирает ковыль. Пусть узнает, какая это тяжелая работа. Чем он лучше нас?!

Мы одобрительно поддакнули.

— Нет, — неожиданно сказал учитель Кучкар. — Его просто нужно убрать, как этот ковыль, чтобы он не мешал нашему благому делу.

— Учитель правильно говорит. Не нуждаемся мы в его помощи! Того и гляди он и арык испоганит!..

— Вот так-то, человек хороший, — сказал учитель Кучкар. — Вы свободны.

Карим-очкарик угрюмо поднялся с места и направился к верблюду.

— Оставьте беднягу в покое, — тихо сказал учитель Кучкар. — Довольно с него незаслуженных побоев... А катык жнецам отвезет сегодня кто-нибудь другой.

И Карим побрел прочь. Отойдя подальше, он повернулся и что-то крикнул, но мы не расслышали. Да и что бы он там ни кричал, дела у него были скверные: он лишился друзей, навлек на себя их гнев. И все-таки где-то в глубине души нам было жаль его...

— Агзам, садись на верблюда и отвези катык жнецам, — сказал учитель Кучкар. — А то они, небось, важдались уже. А завтра мы назначим для этого другого человека.

Агзам сел на верблюда и уехал. А Кучкар-учитель подошел к очагу и стал ворошить горящие угли кочергой. Настроение у всех испортилось, разве ж в такое время до еды? Переглянувшись, мы пошли сно-

ва чистить арык... Учитель Кучкар, видно, очень переживал за случившееся и долго ни с кем не разговаривал.

4. ПОЧЕМУ КАРИМ НЕ ПРИШЕЛ СЕГОДНЯ В ШКОЛУ?

Если бы наш учитель по литературе не задал нам написать дома сочинение на тему: об истории нашего кишлака, почему он называется Чаман — мы бы и продолжали жить, как жили, не задумываясь над этим. И правда, если бы в нашем кишлаке не было бы ни одного деревца, ни одного цветочка, тогда бы еще можно было задасться таким вопросом, почему, дескать, Чаман?

Размышляя над этим заданием, мы с Агзамом решили сперва расспросить о нашем кишлаке у его отца, а потом уже писать.

Вечером я пришел к Агзаму домой. Посреди комнаты стояла хантахта, на которой слабо светила лампа. Вокруг хантахты сидели родители Агзама, он сам и его младшие сестренки и братишки. Свет от лампы тускло освещал их лица. А вокруг царила полутьма. Когда я вошел, отец Агзама любезно встретил меня: «А, Эргашбай, проходи!» Агзам отлично знал, зачем я явился и подвинулся, освобождая для меня место возле себя. Вскоре, допив чай, все, кроме отца Агзама, вышли из комнаты. Мы с Агзамом тоже остались. Наконец дядя Пулат стал спрашивать меня об учебе, о школьных делах.

— Ну как, помирились вы со своим дружкой, а? — спросил он неожиданно.

— С каким это? — Я быстро взглянул на Агзама. Он только пожал плечами.

— Да с тем, кто очки носит... Из махалли «Ковункурт»... Ну, бухгалтера сынок.

— А, это вы о нем? Да мы и не ссорились... — уклончиво ответил я.

— Вот как, а я слышал обратное... — Дядя Пулат чуть усмехнулся и внимательно посмотрел на нас.

Мы с Агзамом молчали. Тогда дядя Пулат сказал:

— Не надо ссориться по пустякам, ребята. Вы ведь из одного кишлака, земля у вас общая. Тем более в такое время, когда война идет с фашистами...

Эх, видимо, он ничего не знает. Разве ж мы стали бы ссориться с ним по пустякам. Ведь он позарился на колхозное добро... Хотел было возразить я, но решил все-таки смолчать. Да и потом пора было уже заговорить о том, что интересовало нас больше всего. И я спросил:

— Амаки, а почему это наш кишлак называется «Чаман»? И отчего он поделен на три махалли, весь он такой маленький?

Может, оттого, что дядя Пулат не ожидал такого вопроса, или оттого, что так круто переменялась тема разговора, он слегка удивился. Потом посмотрел на меня с улыбкой и покачал головой, словно говоря: Неужто ты сам не знаешь? Потом задумался. После долгой паузы он поднял голову и посмотрел на нас.

— Бас еще в то время не было на свете, — начал он, усаживаясь поудобнее. В этот момент в комнату вошла сестренка Агзама с чайником свежезаваренного чая. Она поставила его на хантахту перед братом и на цыпочках вышла. А дядя Пулат продолжал: — Шел тогда 1931 год. Жили мы в колхозе «Байналминал». И эти места, на которых стоит сейчас наш кишлак, были тогда пастбищами того колхоза. Правление колхоза, желая расширить посевные площади, стали сеять и здесь пшеницу, рожь. Ездить сюда ежедневно на работу было очень тяжело. Расстояние ведь приличное — верст тридцать. И вот некоторые семьи решили обосноваться здесь: сперва переехало пятнадцать-двадцать семей. Жили поначалу в шалашах. Затем нас становилось все больше и больше... Оттого и назвали нашу махаллю «Кирккапа», то есть сорок шалашей.

— А откуда взялись махалли «Чапанийртган» и «Ковункурт»? — нетерпеливо спросил Агзам.

Дядя Пулат засмеялся.

— Одним из первых переехал сюда один проворный парень по имени Дадамат. Как-то раз он повздорил со своим соседом и в драке порвал ему халат. Люди хотели помирить их, да, видать, сильно обиделся Дадамат на соседа и переехал оттуда, построив себе дом в другом месте, подальше от него. Потом возле него стали селиться и другие. И вот в память о том происшествии с той поры называют люди махаллю, где жил Дадамат, махаллей «Чапанийртган», то есть махаллей «Порвавшего халат».

— А почему третья махалля называется «Ковункурт»? — не выдержал теперь я.

— У нее своя история. Жил в нашем кишлаке один человек по имени Исмаил. Лицом он был очень смуглый, до черноты. Да вы его, должно быть, не помните. Бедняга умер в тридцать седьмом году. Славный был человек. Правление колхоза назначило его заведующим птицефермой. И была она прежде там, где сейчас и находится махалля «Ковункурт». И прозвали ее так из-за его смуглой кожи,— сказал дядя Пулат и умолк на минуту.— Кстати, этот ваш очкастый дружок приходится внуком тому Ковункурту... Вот так-то! А теперь расскажу я вам о том, почему кишлак наш зовется «Чаман». Это тоже интересная история. Жил в нашем кишлаке один очень забавный парень Эшмат-арбакеш... Да он и сейчас жив, и вы его прекрасно знаете. Ну тот, что наезжает в город к твоему дедушке. И в те дни он частенько ездил в город на своей арбе, запряженной волом. И вот, возвращаясь как-то из города, при въезде в кишлак колесо его арбы попало в арык и она застряла. И когда он, перемазанный глиной, мокрый пытался вытащить арбу, мимо проезжал какой-то путник и спросил его: «Брат! Как называется этот кишлак?» И тогда Эшмат ответил с иронией: «Чаман!» Люди прослышали про этот случай и крепко смеялись. Но с тех пор наш кишлак стали называть «Чаман». А до этого название его было «Ейлма», то есть «Разлив». Теперь об этом даже позабыли. Людям очень понравилось новое название. На одной из сходов стали даже говорить об изменении названия нашего кишлака. Присутствующий при этом представитель из района сказал тогда: «А ведь и в самом деле чудесное название. И хоть кишлак ваш еще не очень-то похож на цветник, но вы непременно сделаете его таковым. Вам это под силу!»

«Где уж там, — возразил кто-то, — земли у нас для этого неподходящие, солончаки». Тогда один из аксакалов сказал так:

— Не беда. Вымоем мы соль из почвы, и деревья посадим, и цветники разобьем. Однако, браток, не в этом дело. А дело в трудолюбии и красоте людей наших. И название это к лицу им! — На этом разговор и закончился. Сейчас об этом никто уже не вспоминает: все привыкли к новому названию. И кишлак наш еще станет прекрасным, как цветник. Люди у нас та-

кие. Колхозники наши в районе всегда впереди: и если чаманцы говорят что-нибудь, то слова у них с делом не расходятся. Да и в этом году вовремя сдали зерно? Вовремя, да сполна. И план по мясу, молоку, маслу выполнили? Выполнили. И хлопок вовремя соберем, я в этом не сомневаюсь.

При этих словах нам так и захотелось похвастаться: ведь и мы внесли свой вклад в это. Ведь это мы додумались до «ишачьего каравана». А кто чистил арык?

— И вы должны быть достойны названия нашего замечательного кишлака,— сказал в конце дядя Пулат.— А если вы будете ссориться друг с другом из-за пустяков, то название нашего кишлака того и гляди превратится в «Жанжал»¹.

Немного пристыженные этими словами, мы сидели молча, опустив головы. Наконец дядя Пулат оперся руками о край хантахты и поднялся со своего места. Мы тоже встали...

После этого разговора я задумался: а правильно ли мы поступили с Каримом? Ну, споткнулся парень, а мы его сразу гнать. Что он от этого лучше стал, что ли? Вот и сегодня в школе было собрание. Шел разговор об участии школьников в сборе хлопка. И все ребята, которые выступали на нем, почему-то были заняты лишь критикой. Карим, мол, он такой, он сякой. Но странно, что ни один из нас не сказал ни слова о том, как помочь ему исправиться, как наставить его на путь истинный.

Придя домой вечером, я поужинал, разделся и лег в постель. И снова стал думать о Кариме. На собрании нас хвалили. А кому же не нравится похвала! Агзам, Абдунаби, Джалил, я... переглядывались тайком, рты у нас были до ушей от удовольствия. Мы сверлили взглядами беднягу Карима, мол, слушай, какие мы хорошие. А у него был такой вид, будто он хотел провалиться сквозь землю. Он сидел молча, низко опустив голову. Почему ни один из нас не встал тогда и не сказал: «Послушайте, друзья, но ведь Карим тоже работал вместе с нами. Ну, хорошо, конечно же он совершил очень неблагоприятный поступок, ну, споткнулся человек и это был наш долг — поправить его вовремя. А мы этого не сделали. Вернее,

---

¹ Жанжал — скандал.

и не желали делать. И в том, что он стал таким, винивая и все мы! А еще чаманцы!»

...Утром все кишлячные ребята спешили в школу. В нашем кишляке всего одна школа — неполная средняя. Кто желает после седьмого класса учиться дальше, едет в город. Вот и мы с Агзамом через год тоже поедem в город учиться. Я буду жить у дедушки. Да и Агзаму интернат не потребуетcя: у него в городе старший брат живет. Неподалеку от дедушки. Так что, мы опять будем вместе...

Когда я вошел в класс, прозвенел звонок. Как обычно, в классе стоял невообразимый гвалт. Все кричали так, будто кругом были глухие. Кто-то гнался за кем-то, кто-то бегал по партам.

— Здорово, Эргаш! — крикнул кто-то, пулей проносясь мимо меня. Глянул я, а это, оказывается, Агзам. Он, видать, задел чем-то дылду Агила и тот гнался за ним.

Дверь со скрипом отворилась, и в класс вошел учитель Кучкар. В руке у него была географическая карта и указка. Стало сразу тихо, все торопливо встали по своим местам.

— Здравствуйте, учитель!..

— Здравствуйте. Садитесь, — голос у нашего учителя был ласковый, спокойный. Он оглядел класс и не спеша взял со стола журнал: — Кто сегодня дежурный?

— Я... — вскочил из-за парты дылда Агил, который гнался за Агзамом.

— Кого сегодня нет?

— Кроме Карима все на месте, учитель.

— Никто не знает, почему он не пришел сегодня?

Ребята заговорили наперебой:

— Видать, не вынес вчерашней критики...

— Это он от зависти, что хвалили других, а не его!

— А за что его хвалить-то! Так ему и надо!

Учитель поднял руку, призывая к тишине.

— Ну, довольно, начнем урок. Кто скажет, что мы проходили на прошлом уроке?

В этот момент кто-то тихонько постучал в дверь, а затем чуть приоткрыл ее. Все разом повернули головы в ту сторону.

Я увидел в раскрытой двери голову какой-то женщины, повязанную синим платком.

Учитель Кучкар сказал:

— Дежурный, пойдите узнайте, в чем дело.

Внимание всего класса было приковано к двери. Через некоторое время дежурный отдал учителю какую-то бумажку и, довольный собой, уселся за парту. Учитель прочитал записку, лицо его сделалось хмурым, руки чуть заметно задрожали. И мы сразу поняли, что известие, которое он получил, недоброе.

— Ваш товарищ Карим..— тихо проговорил учитель Кучкар после долгой паузы,— не пришел сегодня в школу, потому что у него погиб на фронте старший брат. Вчера пришла похоронка...

В классе воцарилась гнетущая тишина. Ребята, которые только что гадали — стчего Карим не явился в школу, говорили о нем всякие неприятные слова, сидели теперь подавленные и смущенные.

Уроки сегодня не были в радость. Когда прозвенел последний звонок, Агзам, я, Абдунаби, Джалил, Ганиш направились в махаллю «Ковункурт», забыв о всяких обидах, чтобы поддержать товарища в трудную минуту.

Когда мы подходили к дому Карима, Агзам вдруг дернул меня за рукав и знаком показал, чтобы я оглянулся. Я посмотрел назад и увидел, что вслед за нами сюда направляется весь наш класс во главе с учителем Кучкаром. Я очень обрадовался этому. «Гнев, так же, как и доброта — это все средства воспитания,— говорил нам учитель Кучкар в тот день, когда мы прогнали Карима из-за катыка.— Поглядим теперь, если гнев наш не исправит его, тогда употребим и нашу доброту. В доброте человеческой сокрыта великая сила!»

— Стойте, ребята, давайте подождем их, — сказал Агзам.— Все вместе пойдем.

И мы стояли, поджидали их, испытывая чувство гордости за доброту наших одноклассников и вместе с тем, разделяя боль товарища, на которого обрушилось такое горе...